

Святослав Логинов

Быль о сказочном звере

Святослав Логинов

Быль о сказочном звере

«Автор»

Логинов С. В.

Быль о сказочном звере / С. В. Логинов — «Автор»,

Нелегко жить в немецкой деревушки на границе владений двух сеньоров, воюющих между собой. Именно в таком селении в далекие времена средневековья в сердце простой девушки зародилось страстное желания мира – с этого-то все и началось...

© Логинов С. В.

© Автор

Святослав Логинов

Быль о сказочном звере

Церковь в Эльбахе не славилась ни высотой строения, ни скорбно вытянутыми скульптурами, ни святыми чудесами. Но всё же тесные объятия свинца в порталной розе заключали сколки лучшего иенского стекла, и солнечными летними вечерами, когда свет заходящего солнца касался розы, внутренность церкви наполнялась снопами разноцветных лучей. Сияние одевало ореолом фигуру богоматери и повисшего на распятии Христа, золотилось в покровах. Тогда начинало казаться, будто церковь улыбается, и даже хрипловатые вздохи изношенного органа становились чище и яснее.

Больше всего Мария любила бывать в церкви в этот тихий час. Но сегодня, хотя время было ещё рабочее, в храме собралось на редкость много людей. Белая сутана священника двигалась, пересекая цветные блики солнца, невнятная латинская скороговорка перекликалась с органом, но всё это было как бы привычным и ненужным фоном для поднимающегося от скамей тревожного шепотка прихожан.

Жители Эльбаха обсуждали проповедь, сказанную пришлым монахом отцом Антонием. Недобрую речь произнёс святой отец и смутительную. Читал от Луки: «Мните ли, я пришёл дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение... И ты, Капернаум, до неба вознёсшийся, до ада низринешься... и падут от острия меча и отведутся в плен все народы». Читал отец Антоний со гневом, а толковал прочитанное грозно и невразумительно.

Что бы значило сие, и кого разумел монах под Вавилоном и Капернаумом? Не так прост был отец Антоний и не чужд суете мирской. Проповедника не раз видели в замке Оттенбург, и многие держались мысли, что близится распря с молодым графом Раоном де Брюшем, а значит, пора прятать скот и зерно, вообще, готовиться к худшему. Иные, впрочем, не верили, ибо кто же воюет весной, когда не окончен ещё сев?

Мария слушала толки, уставя неподвижный взгляд в гулкую пустоту купола, и неслышно шептала:

– Господи, не надо войны!

Не раз уже вздорили графы де Брюш с недобрыми своими соседями имперскими баронами Оттенбургами, и каждый раз пограничная деревушка Эльбах оказывалась на пути войск. Обе стороны признавали её своей вотчиной, но всякий, вошедший в селение, почитал его законной добычей. В мирные дни эльбахским крестьянам удавалось иной раз вовсе никому не платить повинностей, но зато в дни гнева сеньоры с лихвой брали своё.

Во время прошлого столкновения стальная гвардия Людвига фон Оттенбурга обложила графскую крепость Монте. Мелкая, никем за границу не чтимая речушка отделяла замок от Эльбаха. Офицеры осаждающей армии селились в домах, солдаты резали скот, и хотя сиятельный барон объявил, что подданным за всё будет заплачено, но до сих пор поселяне не видели от войска ни единого талера.

Через пару месяцев полки ушли, оставив после себя загаженные дома, опустевшие овины и растерявших женихов брюхатых девушек. Следующей весной одни за другими проходили в эльбахской церкви нерадостные крестины детей войны.

И тогда же, во время бесплодной, никому ничего не принёсшей распри, погиб отец Марии. Был праздник, и один из перепившихся ландскнехтов вздумал показывать удаль на стае уток, мирно плескавшихся в луже. Ландскнехт похабно ругался, бестолково размахивая алебардой, утки вопили, спасаясь бегством. Почему-то это зрелище, более смешное, чем страшное, задело за живое проходившего мимо Томаса.

– Что ты делаешь, изверг! – крикнул он и попытался вырвать древко.

Мародёр оттолкнул Томаса, ударил плашмя алебардой. Он не хотел убивать, но лезвие в непослушных руках повернулось, и Томас, вскрикнув, схватился за рассечённое плечо. Кровь удалось остановить, но к вечеру в рану вошёл огонь, началась горячка...

После похорон отца в благополучный прежде дом заглянул голод. Спасти семью могло только удачное замужество Марии. Жених у матери на примете был. Генрих – нескладный парень двумя годами старше Марии, некрасивый с редкими белесыми волосами, большим вечно мокнувшим носом и незначительным выражением бледного лица. Зато поля двух семей лежали рядом, и свадьба была выгодна всем. Мария понимала это и спокойно ожидала будущего.

Но теперь отец Антоний произнёс страшную проповедь, и в памяти ожили крики и плач, пожары, затоптанные поля, мёртвое лицо родителя. И ещё – иссохший призрачный нищеты.

Мария раскачивалась, стоя на коленях, вцепившись побелевшими пальцами в спинку скамьи, и надрывно шептала:

– Мира дай, господи! Мира!..

* * *

Мост через Зорницг тоже считался спорным, хотя стоял очень далеко от Эльбаха. Возле моста сражений не бывало, поскольку бой чреват пожаром, а мост приносил немало дохода обеим сторонам. У одного схода взимали дань в пользу графов де Брюш, у другого ожидали мытари барона. Однако, двойная пошлина обижала купцов, так что многие стали ездить в обход через неудобный, а порой и опасный брод. Тонуть в реке было незыблемым правом купцов, но и за переправу вброд тоже надлежало платить. Разгорелся спор – кому владеть бродом. Близилась Франкфуртская ярмарка, и потому военные действия начались ранее обычного. И снова первым почувствовало войну селение Эльбах.

На этот раз деревню заняли люди де Брюша. Латники в итальянских бургиньотах с кольчужной завесой и в острогрудных, гусиным брюхом вперёд, кирасах. Тяжёлая конница в иссечённых доспехах без султанов и перьев, зато со стальными шипами на груди коня. Граф мечтал обойти Оттенбург. Там, в сердце баронского хинтерланда, легко можно прокормить войско и взять богатую добычу.

Но на следующий день к Эльбаху подошла рать Людвига. Барон, как всегда соблазнулся надеждой овладеть плохо укреплённой крепостцой Монте, чтобы оттуда угрожать вотчинам де Брюша.

С утра предстояло быть сражению.

У Людвига фон Оттенбурга насчитывалось больше наёмной пехоты, у Раона де Брюша – блестящей дворянской конницы. В соответствии с этим и разработаны были планы баталии. Заодно мстительный Раон де Брюш решил наказать эльбахских обывателей, принесших в прошлый раз присягу противнику. На рассвете, в полной тишине, без труб сопелок и барабанной дроби, войско графа покинуло деревню, отойдя к берегу речки. В посёлке остался лишь небольшой отряд копейщиков. У каждого из них вокруг кованого рожна обвивался пук пропитанной смолой и салом пакли.

На берегу пропела фанфара, и по этому сигналу копья превратились в трещащие факелы. Поджигатели побежали по опустевшей деревне. Крестьяне, согнанные на другой берег, бесильно смотрели, как гибнет их имущество. Соломенные крыши весело вспыхивали от прикосновения чадающих копий, гонтовые загорались труднее, но горели жарче: дранка, скрючиваясь и рассыпая искры, огненными бабочками перелетала по воздуху, всё дальше разнося пожар.

Через полчаса улицы Эльбаха превратились в преграду, непреодолимую для баронских латников, фланг де Брюша был надёжно защищён. А в обход деревни по незасеянному полю звонко двинулась конница.

Однако, искушённый в битвах фон Оттенбург ожидал атаки. С десятков лёгких всадников вылетели навстречу конной лавине, а когда до нацеленных копий оставалось совсем немного, круто повернули лошадей и помчались прочь, разбрасывая подмётные каракули – упруго разворачивающиеся клубки тонкой проволоки с торчащими во все стороны колючками. Двое рыцарей, не успев остановиться, полетели с коней, остальные поскакали вспять.

Ободрённый первым успехом, Оттенбург сам перешёл в наступление, бросив свой конный отряд прямо сквозь пекло горящей деревни. Защищённые бронёй воины грузным галопом двигались по центральной улице, когда навстречу им из-за поворота выплеснулась конница графа. Атака на поле оказалась лишь отвлекающим маневром, основные свои силы мессир Раон тоже решил послать через пожарище.

С треском и звоном всадники столкнулись. Некоторые были тут же вышиблены из седла и корчились на земле, не в силах подняться. Огонь неуклонно подбирался к ним, и несчастные громко кричали, напрасно призывая оруженосцев и чувствуя, как раскаляется их железная скорлупа. Прочие побросали ненужные больше копья и, сорвав с перевязей мечи, вступили в бой. Рубились, неловко отмахивая скованной доспехами рукой, звенели гранёным лезвием по латам противника, старались ударить под мышку, метили тонко оттянутым лезвием ткнуть сквозь погнувшуюся решётку глухого забрала. Но больше всего берегли коней и стремились поскорее уйти от дыма и грозящего пламени.

Вскоре рыцари де Брюша вытеснили врага из деревни и погнали к лесу.

– Победа! – выкрикнул граф Раон, направляя коня в самую гущу сражения. Ударом кончара он оглушил противника и левой рукой, сжимавшей кинжал, ударил его в щель разошедшихся доспехов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.